

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-491-500

Научная статья

Пересечение языковых миров в женской прозе

Е.Ю. Протасова

Хельсинкский университет,

P.O. Box 24, Department of Languages, 00014 University of Helsinki, Finland

 ekaterina.protassova@helsinki.fi

Аннотация. На примере произведений авторов-женщин (А. Марининой, Е. Рождественской, Л. Романовской, Т. Устиновой, Г. Щербаковой) рассматривается процесс использования в русском тексте иноязычных вкраплений. Обсуждаются некоторые характеристики женской прозы и уместность включения в нее иностранных слов и выражений. Подобное явление можно считать отражением транслингвильности современных текстов, случаем переключения кода, художественным приемом, попыткой выйти за пределы одноязычного мира или продемонстрировать историзм повествования. Показано, что наиболее часто используются немецкий, английский и французский языки, причем многие из заимствованных слов уже употреблены в русском языке и могут считаться принадлежащими к его лексике. Это проявляется, в частности, в кириллическом написании вкраплений и ограниченном репертуаре употребляемых иноязычных речевых средств. Рассмотренный материал ценен тем, что бытописательная проза, сосредоточенная на интимных проблемах «внутреннего» (семейного) круга, позволяет сделать вывод о том, в каких ситуациях и с какой целью писательницы прибегают к данному приему. Материал собирался методом сплошной выборки. Каждая писательница использует элементы языковых вкраплений из доступного ей репертуара языков. Мы приходим к выводу, что они русскоязычны, но не в строгом смысле транслингвильны: использование латиницы или кириллицы подчеркивает степень «одомашненности» понятия, выраженного иноязычным словом. Персонажи нередко характеризуются теми языками, заимствования из которых они используют. Репертуар вкраплений невелик, кажется, что именно украинские слова выглядят наиболее интересными и своеобразными, в то время как многие заимствования из других идиомов принадлежат общему фонду, с которым в той или иной степени знакомы все носители языка.

Ключевые слова: женская проза, иноязычные вкрапления, транслингвильность, переключение кода

История статьи: поступила в редакцию 04.04.2022; принята к печати 04.06.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Протасова Е.Ю.* Пересечение языковых миров в женской прозе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 491–500. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-491-500

© Протасова Е.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Intersection of Linguistic Worlds in Women's Prose

Ekaterina Yu. Protassova

University of Helsinki,
P.O. Box 24, Department of Languages, 00014 University of Helsinki, Finland
 ekaterina.protassova@helsinki.fi

Abstract. The process of using foreign-language insertions in the Russian text is examined using books written by five female authors (A. Marinina, L. Romanovskaya, E. Rozhdestvenskaya, G. Shcherbakova, and T. Ustinova). Some aspects of women's prose are discussed, as well as the appropriateness of including into it other-language words and expressions. This phenomenon can be interpreted as a replication of the translanguing nature of modern texts, a case of code switching, an artistic method, an attempt to transcend the monolingual world, or a demonstration of the historicism of the narrative. It turns out that the most commonly used languages are German, English, and French, and many of the borrowed words are already rooted in the Russian language and might be considered part of its vocabulary, particularly in the case of the German language. This is exemplified by the Cyrillic spelling of inclusions and the limited repertoire of the foreign speech means employed. This material is valuable in that everyday writing prose, focused on the intimate problems of the "inner" (family) circle, allows us to conclude in what situations and for what purpose the writers resort to this technique. The material was collected by continuous sampling. Each writer uses elements of linguistic inclusions from the repertoire of languages available to her. We come to the conclusion that they are Russian-speaking, but not in the strict sense translanguing: the use of the Latin or Cyrillic alphabet emphasizes the degree of "domestication" of the concept expressed by a foreign word. Characters are often characterized by the languages they borrow from. The repertoire of inclusions is small, it seems that it is Ukrainian words that look the most interesting and original, while borrowings from other idioms largely belong to the general fund, with which everyone who lived in the USSR and Russia is familiar to one degree or another.

Key words: women's prose, foreign language insertions, translanguing, code switching

Article history: received 04.04.2022; accepted 04.06.2022

Conflict of interests: none

For citation: Protassova, E. Yu. 2022. "The Intersection of Linguistic Worlds in Women's Prose". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (3), 491—500. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-491-500

Введение

Многоязычный поворот в современной художественной литературе предполагает, что в ней используются разные языки, причем не только те, которые традиционно характеризовали творческий нарратив (т.е. латынь, древнегреческий, современные языки, изучавшиеся в качестве иностранных в соответствующих странах), но и менее распространенные. В частности, это языки малочисленных народов, редкие, встречающиеся в отдаленных местах. Многоязычие не является исключительным или необычным явлением, а является основой модернистской беллетристики, в том числе русскоязычной [1]. Обыденность сочетания различных языков и культур в современном дискурсе противостоит прежнему отноше-

нию к употреблению иных языков как к чему-то экзотическому, хотя и раньше в литературе, например в модернистской, активно использовались такие способы внедрения иноязычия, как перевод, межкультурные встречи, изобретение слов на гранях языков, смешение языков в стилистических целях [2]. Разумеется, при переводе такого мультилингвального текста встают особые проблемы, хотя и любое противопоставление норм, ценностей, лексического своеобразия всегда вызывает интерпретационные трудности.

В исследовании [3] показано, что на протяжении последних 50 лет в англоязычной прозе существовало несколько способов введения иноязычия. Во-первых, такая роль отводилась преподавателю иностранного языка, резиденту, шпиону или разведчику. Во-вторых, это использовалось для передачи своих впечатлений после достаточно поверхностного знакомства с иной культурой или языком. В-третьих, иноязычные выражения представляли собой большие фрагменты текста, содержащие беседы или цитаты на ином языке, с переводом или без него. В-четвертых, такой прием использовался для погружения в инокультурную и иноязыковую среду. Представляется, что это далеко не исчерпывающий перечень случаев использования вкраплений [4].

Вообще известно, что создание особого мира романа требует употребления подходящего языка, способствующего ощущению своеобразности повествования [5]. Речевые характеристики персонажей могут быть определены единожды, как правило, при появлении персонажа, а дальше об окрашенности речи автор время от времени может напоминать. Иногда используется глоссарий, когда все непонятное собрано, переведено или истолковано в конце или в начале книги. Некоторые писатели прибегают к приему объяснения значений непонятных слов прямо в контексте их употребления, даже в репликах персонажей [6].

Авторы могут в разной степени владеть теми иными языками, которыми пользуются [7]. Если это сбалансированные билингвы, владеющие в равной степени культурами, связанными с обоими языками, умеющие их сопоставлять и показывать одну культуру через призму другой, то они способны открыть читателю новые горизонты [8]. Если они явно отдают предпочтение одной из культур, если они недостаточно сведущи в другой, то сравнение может быть неловким, неуместным или неверным. Транслингвальные личности могут по-разному оценивать свои способности, иногда более, иногда менее адекватно [9]. В любом случае, поскольку мир становится все более многоязычным, в нем сильнее звучат голоса тех, кто существует на перекрестке миров и культур [10]. Мировые языки бывают не только донорами, но и рецепиентами чужих лингвокультур [11].

Материал, методы и цель исследования

В настоящей статье рассматриваются пять произведений российских авторов-женщин, использующих иноязычные вкрапления в своих текстах. С нашей точки зрения, опыт рассмотрения такой прозы тоже ценен, потому что наглядно показывает, где, в каких обстоятельствах происходит взаимодействие и взаимопроникновение культур. Русская женская проза, как отмечают многие исследователи, часто бытописательна, сосредоточена на семейных, домашних проблемах,

противоречиях во взглядах и различиях в поведении между мужчинами и женщинами [12; 13]. Тем не менее и здесь отмечаются контакты с иными языками и культурами. Наша цель — выяснить, в каких ситуациях и с какой целью авторы прибегают к этому приему. Материал отбирался методом сплошной выборки и классифицировался по типам описания нетипичной речи или поведения участников повествования.

Результаты исследования

Екатерина Рождественская, дочь поэта Роберта Рождественского, рассказывает в своей книге «Двор на Поварской» [14] историю интересного московского двора — рядом с Домом писателей, где в подвале с послереволюционной поры жила семья ее матери. Одной из отличительных особенностей этого места был многонациональный (русские, евреи, татары, армяне, грузины, поляки, скандинавские шведы и берлинские немцы) и разносословный состав его обитателей. По многим воспоминаниям, это довольно типичный для того времени и центра города расклад. Перед нами почти документальная повесть, хотя подлинные имена протагонистов нередко заменены псевдонимами, что предоставляет автору больше свободы в трактовках мыслей участников событий. У всех персонажей есть свои излюбленные словечки, приговорки, которые характеризуют их речь. Многокультурность подчеркивается, даже когда готовят пироги для общего угощения — у Равиля это эчпочмаки, а у Элиавы хачапурки. Иностранцы, которых вокруг немало, называют нянек боннами. Особняки на Поварской построены архитекторами с иностранными и русскими фамилиями: Жилярди, Эрихсон, Казаков, Кекушев.

Любовница Мате Залки, венгерского революционера, называет его «кевдыш», что на венгерском означает «милый», но для обитателей дома слово становится обидной и унижительной кличкой всех мужчин, приходящих к этой даме. Она же называет черный эбонитовый телефон «эбонитовым». Бывшая балерина Марта, которую до революции ее возлюбленный князь называл Мартусси, в минуту волнения переходит на французский: “Ne vous inquietez pas”. А когда ее подруга собирается замуж, предупреждает: “Dans le doute, abstiens-toi”. Когда балетом начинает заниматься уже третье поколение в семье обитателей дома, упоминается высоко поднятая нога *a la seconde* (отсутствует надстрочный знак над предлогом). Другая пожилая женщина, Миля, тоже подруга бабушки главной героини, рассказывает рецепт пирога, в который добавляет коньяк «для вкуса начинки, для амбьянсу»; сало называют лярдом — это уже обрусевшие французские слова, соответственно, и пишутся они кириллицей.

Выбирая имя новорожденной, бабушка кладет конец долгим колебаниям:

...пусть станет Аллой — на древнееврейском это «богиня»! Кто против того, чтобы такая красавочка стала богиней, поднимите руки?.. Азохен вэй! Есть против? Куш мир ин тохас! Есть воздержавшиеся шлимазлы? [14. С. 113].

В другом случае речь еврейской бабушки передает акцент (идиётка) и выражения с элементами идиша: *дрек ты мит пфэффер*. Еще раз, с небольшим отли-

чием в гласной, пишется *Азохен вей*. Все же молится бабушка православному Богу, читает молитвы с употреблением церковнославянской лексики.

С героиней в детстве занимается также обрусевшая полька Мария Магдалина Франческа Алексеевна Закряжская, по-детски Масисе, владеющая, помимо польского, французским, немецким, итальянским и английским языками, читающая книги в оригинале, а ребенку вместо колыбельных исполняющая стихи на немецком и французском.

Дворы такого типа перестали существовать в Москве с расселением коммуналок. В глазах ребенка это идиллическое сообщество, хотя не менее половины жильцов ютятся в подвалах без удобств.

Смешение кодов появляется уже в названии книги Love-стория Галины Щербаковой [15], где в устойчивом англоязычном термине заменена финаль *-стория*. В начале первой повести встречаем: «И Бог с ним — с Римом! Roma locuta, causa finita [Рим сказал, дело закончено]. Гуд-бай вечный» [15. С. 11]. Ближе к концу книги известное латинское утверждение подлежит исправлению: не в здоровом теле — здоровый дух, а Ювенал утверждал: «Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом» [15. С. 359]. В другой повести один из героев, Шпеков, русский, носит прозвище Шпрехт, потому что в своей речи использует немецкие слова и морфемы. Он вообще способный к языкам:

Когда колхозы создавали в Марийской автономной, я быстро стал понимать. И в Грузии когда жил. А немецкий легкий... Машиненгевверен... Это пулемет... Ди зонненшайн... Это значит солнце... Фатер... Мутер... Ложится на язык... (позже становится понятно, что он участвовал в репрессиях в соответствующих областях).

Ему возражает сосед: «А мне вот гордо лялякать по-ихнему» [15. С. 95], т.е. гордость не дает. Для него немецкий — язык фашизма. Сказавший это считает, что говорящие еще *не освободились от слов*, еще *пеняты и шипят* в них, потому что пришло такое время, что *языки развязались*, служебный рост таких личностей можно прекратить, если они не *вымоют мылом язык*. Он не верит, что существует марийский язык, если бы он был, то был бы и ивановский. В речи Шпрехта появляется слово *выкиништейн*, означающее, видимо, урезание зарплаты шахтерам до уровня зарплаты наземных рабочих. Одно из высказываний он заканчивает словами *Яволь, геноссе!*, в другой раз об умершем, вставая с кровати *форвертц* [вперед], говорит *шпрехен зи дойч* [вероятно, в значении странного события, чего-то неожиданно случившегося], *битте вам дритте, камарады чертовы*, у них там *цирлих-манирлих, не айн, цвай, драй, ферштейн?, Айнс, цвай, драй, фир, фюнф, зекс, зибен, ах, нойн, цен...* *А потом эльф, цвёльф — и концы...; matka-шайзе, хенде хох, эж, яволь, гросскомпания, дрек-товар, зер гут, генуг — он всем генуг*. На самом деле его уровень иностранных языков — *яволькамарадегамарджоба*, а в русской речи он слаб и боится всех речевых событий. Слово *кобельеро* — гибрид русского и иностранных слов.

Галина Щербакова родилась в Донецкой области, русский язык персонажей содержит немало украинских вставок, и в этом смысле она близка к транслинвальным авторам: *досёрбать до донышка, ховать на кладбище, огудина, чесанка*. В рассказе после упоминания хохляцкой завываемости упоминается слово

лышенько, приводится фраза *ой, як болить мое сердце, слезы нэ льются*. В семье также используется слова *рятуйте, на ляде*.

В первой повести много рассуждают о различиях в социолектах и о языке семьи. Так, к женщине, от лица которой ведется повествование, бабушка обращается *Нюра*, если та подлежит осуждению, *Анеля* — если в гневе, *Нюся* — если нужно помочь по хозяйству, *Анюта* — если ее любит. Отдельные выражения свидетельствуют о моральных принципах: чтобы «не погрязла», *вплоть до, тля, стук-грюк, правильный, еще и не такое, эта, не подходит нам ни с какой стороны* и т.п. Утверждая, что у них культурная семья, мама осуждает того, кто не знает Шеллера-Михайлова, вообще любого, кто не имеет *отдельности*, а такой, как все. Все вместе свидетельствует о «филологической экземе», передающейся по женской линии. Используется немецкое *медхен фюр аллес*, но уже как обозначение специфического явления, не имеющего удачного перевода и достаточно распространенное в русском языке именно в такой форме. Автор удивляется русскому характеру:

Почему все так носятся с какой-то нечеловеческой щедростью русских? По части последней рубахи, куска хлеба, чтоб одну со страстью сорвать с себя, а другой дать откусить по самые пальцы, — нет нам равных. Нас надо сгонять в блокады, в войны, в коммуналки, чтоб как драгоценный эликсир из нас начинало это капать — великое русское... Но какие же мы свиньи в хорошей жизни! Тут уже не капли, тут тазы подставляй под нашу зависть, злость, ненависть, что у другого наличник фигурней, а крыльцо позакковыристей [15. С. 204—205].

Таким образом, в книге отражается особый уклад специфического позднесоветского периода жизни, переходящего в постсоветский, в котором у людей свежа память о начале существования СССР, о войне, но подвергаются переосмыслению и сомнению приобретенные ценности и знания, в том числе и языковые навыки.

Главная героиня саги Александры Марининой «Тот, кто знает» — Наталья Воронова — в школе отлично успевает по труду, физкультуре и рисованию, но «с французским языком у нее определенно не все благополучно, а уж с русским — вообще беда. И не потому, что она неграмотная, а потому, что пишет грязно, с помарками, исправлениями» [16. Т. 1. С. 11—12]. Об эмиграции одна героиня говорит, что не может оторваться от родного города, людей и языка, на котором говорила всю жизнь и писала любимому мужу письма на фронт. Но ее внуки общаются со своими американскими сверстниками и, хотя все понимают по-русски, говорят плохо и с заметным акцентом. Другая героиня использует слово *ингейджд* и объясняет, что когда хотят выяснить, не состоит ли кто-то в отношениях, то спрашивают: “Are you engaged?” Иными словами, в объемной книге Марининой есть немного рассуждений о значении родного языка, о неудачном изучении иностранного и о лексической лакуне в русском, которую нельзя заполнить иным словом, кроме английского.

Детектив Татьяны Устиновой «Сто лет пути» [17] включает перемежающиеся историческую и современную части. В описании событий начала XX в. английский язык используется для общения с подаренной британцем собакой:

Bad boy. Good boy. Clever boy. Be nice dog. Be a good boy. What is the matter with you today? Stay here, Henry! Henry, stop it! Stop, stop it! Stop it, Henry! Henry, come here! This is definitely not your business. It's all about politics.

Одна фраза дается сразу в переводе: «На войне, как на войне, — прибавил он по-французски» [17. С. 204]. В Москве XXI в., сетуя на перегруженность центра, герой рассуждает: «Почему нельзя открыть „представительство“ или „хэд-офис“, что бы это ни значило, в Балашихе?» [17. С. 189]. Есть замечания и об употреблении слов, например:

«Матушкой» Россию называли как раз те русские, что жили за границей, приезжали сюда редко или вовсе не приезжали, и князю было это хорошо известно. Над словом этим часто посмеивались [17. С. 256].

Мы видим, что вкрапления здесь, скорее, примитивные, малозначащие, призванные лишь перекинуть тонкий мостик из прошлого в настоящее, как и образ старовера-эмигранта, помогающего русской революции.

Книга Ларисы Романовской «Самая младшая» [18] предназначена для семейного чтения. В центре повествования — девятилетняя девочка Полина, живущая в обычной семье любящих друг друга людей, сталкивающихся в повседневной жизни со множеством проблем [18]. Это типичный случай семейной коммуникации [19], когда у каждого есть определенная роль и подходящие ей словечки, когда вспоминаются эпизоды прошлой жизни и даются отсылки к известным всем событиям, звучат детские выражения типа *я ее хохочу*. Встречаются отсылки к разговорным выражениям, например, *без понятия, как только — так сразу*, а также *дурацкое слово*, которое переводится с русского на русский как «не бойся» (видимо, «не очкуй»). Девочка обсуждает, как правильно говорить — *щекотятся* или *щекочутся* (в другом месте говорят *чехочет*, *щехо/ чехо/*), вместо *фэн-шуй* говорит *фей-шуй* (что-то, связанное с феями). Неверно восприняты и другие слова: дети — не брат и сестра, а приходится друг другу *деверью* и *своячником*, как *дверью* и *подсвечником*, позже, вспоминая, говорят *яичница*, *подсвечница*. Отсылки к детской речи как особому языку кажутся нам уместными, а здесь еще речь идет о непонятных словах в детской интерпретации.

Баба Тоня говорит, что немецкий — «собачий язык», и сердится, что детей отдадут в немецкую школу. Учительница немецкого в школе говорит «гут», кляксу называют «клекс», вспоминают также, что вишня — это «кирше» (этого девочка не знает, помнит только про яблоко и апельсин), вслед за чем рассказывают сказку о принцессе Кирше из Вишневого замка. Представители других народов — одноклассник Вазгенчик и Наргиз, которую можно называть Надей. Члены семьи борются против догхантеров, и значение этого слова поясняется через значение английских слов «дог» и «хантер» (мальчик Димка произносит *доххантер*, потому что тогда «они все сдохнут»), т.е. это охотники на собак, а поскольку Полина учит в школе немецкий, то не понимает сразу, что оно значит, и воображает себе чудовищ. Мама Полины, работающая пиар-менеджером, говорит по телефону «у нас тут полный аллес капут».

Простая, «как огурец», деревенская Марь Иванна называет свою дочь специально «по-импортному, чтобы красиво» — Жанной. Наоборот, пса по кличке Бей-

лис Мейсон Честрефильд в обычной жизни зовут сокращенно Бесом. Девочка любит придумывать прозвища, переименовывать, например, назвать бабу Тоню *Антонеллой* или *Антуанеттой*, т.е. постоянно обсуждается, как лучше выразить ту или иную мысль, какие ассоциации с иноязычными выражениями она вызовет.

Заключение

Для современного мира важно подниматься над сугубо национальным и показывать ценность плюрилингвизма. Роль писателя как фасилитатора при столкновении или взаимодействии различных лингвокультурных миров весьма велика. Писатель убеждает читателя в достоверности или невероятности своей истории, погружая его в особый мир. Следует достаточно хорошо владеть языком персонажа-инофона, чтобы читатель поверил в естественность его речи. Вопрос в том, переводить или не переводить то, что сказано на ином языке, какое количество чужого текста следует включать, стоит ли снабжать текст пометой, что все сказано с некоторым акцентом или на ином идиоме. Если речь идет о диалекте или социолекте, то можно просто сослаться на то, что персонажу свойствен определенный выговор.

В силу своего жизненного опыта каждая писательница использует доступные ей средства подчеркивания встречи культур и языков. Надо отметить, что это, скорее, не транслинвальные, а русскоязычные авторы, сталкивающиеся со своеобразием мультикультурного мира в своем окружении, отмечающие самобытность речи персонажей, не очень широко внедряющие речь на иных языках в контекст повествования. Использование латиницы или кириллицы подчеркивает степень «одомашненности» понятия, выраженного иноязычным словом. Персонажи нередко характеризуются теми языками, заимствования из которых они используют. Репертуар вкраплений невелик, кажется, что именно украинские слова выглядят наиболее интересными и своеобразными, в то время как заимствования из других идиомов в большей степени принадлежат общему фонду, с которым знакомы в той или иной степени все, кто проживал в СССР и России.

Представляется, что полученные результаты соответствуют сложившемуся представлению о типичных чертах русской женской прозы. Используемые речевые характеристики, рефлексия над языком, переключения кода и иноязычные вкрапления отражают повседневный мир, окружающий персонажа на бытовом уровне. В случае каждого автора наблюдается особая констелляция примет инаковости, откуда черпаются примеры и сравнения, более знакомые писательницам из их личного опыта.

Список литературы

1. *Бабенко Н.Г.* Лингвопоэтика «иноязычия» (по произведениям современной русской прозы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 6. С. 56—62.
2. *Taylor-Batty J.* Multilingualism in modernist fiction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

3. Preece J., Rees A. How bilingual novelists utilize their linguistic knowledge: Towards a typology of the contemporary ‘modern languages novel’ in English // *Modern Languages Open*, 2021. No. 1. P. 2.
4. Киреева Ю.Н., Казюткина Е.С., Сузова М.Н. Функционирование иноязычных вкраплений в современном русском языке // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2020. № 1. С. 1—16.
5. Калашиникова М.А. К вопросу об иноязычных вкраплениях в современной русскоязычной прозе // *Общественные науки*. 2015. № 6-1. С. 65—71.
6. Протасова Е.Ю. Чужая речь и коммуникация с представителями иных культур в современной художественной литературе // *Коммуникативные исследования*. 2021. Т. 8. № 3. С. 465—480.
7. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А. На «агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2021. № 6-2. С. 263—273.
8. Валикова О.А., Демченко А.С. Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия // *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2020. Т. 17. № 3. С. 352—362. doi: 10.22363/2618-897X-2020-17-3-352-362.
9. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 2. С. 155—170.
10. Хухуну Г.Т., Валуицева И.И. Транслингвизм, транскультуральность и этнокультурная идентичность: комплементарность или конфликтность? // *Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование: посвящается нашим Учителям. Материалы конференции*. М.: РУДН, 2018. С. 11—19.
11. Schulze-Engler F., Helff S. (eds.) *Transcultural English studies: Theories, fictions, realities*. Amsterdam: Rodopi, 2009.
12. Barker A.M., Gheith J.M. (eds.) *A history of women’s writing in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
13. Sutcliffe B.M. *The prose of life: Russian women writers from Khrushchev to Putin*. Madison: University of Wisconsin Press, 2009.
14. *Рождественская Е.* Двор на Поварской. М.: Э, 2017.
15. *Щербакова Г.* Love-стория. М.: Олма пресс, 1999.
16. *Маринина А.* Тот, кто знает. М.: Эксмо, 2002.
17. *Устинова Т.* Сто лет пути. М.: Эксмо, 2015.
18. *Романовская Л.* Самая младшая. М.: АСТ, 2014.
19. Занадворова А.В. Язык малой социальной группы (на примере семьи); Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // *Социальная и функциональная дифференциация современного русского языка / отв. ред. Л.П. Крысин*. М.: Языки славянской культуры, 2003.

References

1. Babenko, N.G. 2007. “Lingvopojetika “inojazychija” (po proizvedenijam sovremennoj ruskoj prozy)”. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* 6: 56—62. Print. (In Russ.)
2. Taylor-Batty, J. 2013. *Multilingualism in modernist fiction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
3. Preece, J., Rees, A. “How bilingual novelists utilize their linguistic knowledge: Towards a typology of the contemporary ‘modern languages novel’ in English”. *Modern Languages Open* 1: 2.
4. Kireeva, Y.N., Kazyutina, E.S., Surova, M.N. 2020. “Funkcionirovanie inojazychnyh vkraplenij v sovremennom russkom jazyke”. *Mir nauki. Sociologija, filologija, kul’turologija* 1: 1—16. Print. (In Russ.)

5. Kalashnikova, M.A. 2015. “K voprosu ob inojazychnyh vkraplenijah v sovremennoj russkojazychnoj proze”. *Obshhestvennye nauki* 6-1: 65—71. Print. (In Russ.)
6. Protassova, E.Y. 2021. “Chuzhaja rech’ i kommunikacija s predstaviteljami inyh kul’tur v sovremennoj hudozhestvennoj literature”. *Kommunikativnye issledovanija* 8 (3): 465—480. Print. (In Russ.)
7. Bahtikireeva, U.M., Valikova, O.A., Tokareva, N.A. 2021. “Na “agore” segodnja: podhody k izucheniju translingval’noj literatury”. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly* 6-2: 263—273. Print. (In Russ.)
8. Valikova, O.A., Demchenko, A.S. 2020. “Translingual Literary Text: on Problem of Understanding”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 17 (3): 352—362. doi: 10.22363/2618-897X-2020-17-3-352-362. Print. (In Russ.)
9. Proshina, Z.G. 2017. “Translingualism and its application”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 14 (2): 155—170. doi: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170 Print. (In Russ.)
10. Huhuni, G.T., Valujceva, I.I. 2018. “Traslingvizm, transkul’tural’nost’ i etnokul’turnaja identichnost’: komplementarnost’ ili konfliktnost’?” *Bi-, poli-, translingvizm i jazykovoe obrazovanie Proceedings. Moscow: RUDN*. Pp. 11—19. Print. (In Russ.)
11. Schulze-Engler, F., Helff, S. (eds.) 2009. *Transcultural English studies: Theories, fictions, realities*. Amsterdam: Rodopi.
12. Barker, A.M., Gheith, J.M. (eds.) 2002. *A history of women’s writing in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Sutcliffe, B.M. 2009. *The prose of life: Russian women writers from Khrushchev to Putin*. Madison: University of Wisconsin Press.
14. Rozhdestvenskaya, E. 2017. *Dvor na Povarskoj*. Moscow: E publ. Print. (In Russ.)
15. Shcherbakova, G. 1999. *Love-storija*. Moscow: Olma press publ. Print. (In Russ.)
16. Marinina, A. 2002. *Tot, kto znaet*. Moscow: Eksmo publ. Print. (In Russ.)
17. Ustinova, T. 2015. *Sto let puti*. Moscow: Eksmo publ. Print. (In Russ.)
18. Romanovskaja, L. 2014. *Samaja mladshaja*. Moscow: AST publ. Print. (In Russ.)
19. Znadvorova, A.V. 2003. “Jazyk maloj social’noj gruppy (na primere sem’i); Rechevoe obshhenie v malyh social’nyh gruppah (na primere sem’i)”. *Social’naja i funkcional’naja differenciacija sovremennogo russkogo jazyka*, ed. by L.P. Krysin. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul’tury. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Протасова Екатерина Юрьевна — кандидат филологических, доктор педагогических наук, адъюнкт-профессор Отделения языков Хельсинкского университета. E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi
ORCID: 0000-0002-8271-4909

Bio Note:

Ekaterina Yurievna Protassova is a PhD in Philology and Hab. in Pedagogy, Adjunct Professor at the Department of Languages at the University of Helsinki. E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi
ORCID: 0000-0002-8271-4909